

Русские письма

До меня дошло, что Вы интересовались узнать,¹ что сделалось с Фаустом, этим мистическим скептиком или, если угодно, скептическим мистиком «Русских ночей». Спешу известить Вас, что Фауст умер; он был необходимое, переходное явление, перебивавшее во всяком мыслящем организме, и, как всякое переходное явление, достигнув крайних пределов своего развития, должно было уничтожиться и уступить место другому — может быть, также переходному, что будет до тех пор, пока условия общей жизни не сделаются столь же доступными и ясными, как условия математические вообще, или механические астрономические теоремы; пока вопросы жизни не сделаются столь же определенными, как вопросы математические, и в совокупном житии организмов, попросту в обществе, так же не будет места произволу и сомнению, как в том, равен ли квадрат гипотенузы квадрату двух катетов.

В Фаусте замечалось борение двух стремлений, которыми определяется характер нашего времени. Недовольный шаткостью всех существующих теорий, он стремился трезвым наблюдением пополнить пробелы в науке жизни, но, поражаемый скупостью запаса наших наблюдений, по гордости, свойственной человеку, увлекался заманчивою надеждою пополнить недостатки наблюдений современных теми выводами, которые рассеяны в разных писаниях со времен Гомера и Платона. Смелость и решительность некоторых древних выводов заставляла Фауста предполагать, что они действительно плоды положительных, но потерявшихся наблюдений, и ему показалось не невозможным открыть следы их, как открывают следы древней жизни на улицах Геркуланума и Помпеи.² Он был похож на астронома, который, желая определить орбиту кометы, ввел в свои вычисления цифры, добытые его предшественниками, положившись на их вероятность. Дальнейшие работы показали, что одни из этих цифр сомнительны, другие вовсе не верны, третьи вовсе не вычислены. Оттого одни видели в нем отъявленного аналита, другие — мистика. Мир праху благонамеренного человека, он был ни тем, ни другим. Если иногда он и устранялся от положительного и единственно верного пути для человеческой науки, то это не мешало ему провидеть до некоторой степени будущие ее фазы. Но боясь соблазна, он настаивал о необходимости читать буквы природы прежде чтения букв человека и даже утверждать, что буквы природы явственнее и вернее; не усумнился напасть на фантазмагорию современных экономистов, видел в естественных науках необходимое, безусловное основание всех последующих выводов во всех отраслях человеческих знаний, не упустил из виду, что человеческое общество есть такой же организм, как все организмы, только более многосложный, и что сей организм требует того же пути для положительных наблюдений, как и всякий другой организм, обратил внимание и на условия того организма, который поныне остается нетронутым, — на условия знания человеческого и на язык, выражающий сие знание. Сие последнее наблюдение должно было послужить переходом к новому воззрению на человека и природу.

Постараюсь продолжить его работы по сему новому пути.

Время фантазии прошло; дорого заплатили мы ей за нашу к ней доверенность; чей ум, упрямый до бестолковости и нелепости, не признает, что другую картину представляют положительные знания, спасающие нас от болезней, предохраняющие наши здания от громовых ударов, сближающие расстояния, утишающие при операциях, — словом, образовавшие всю нашу настоящую жизнь? Каким путем положительная наука дошла до знания ближайших результатов? Путем опытов и наблюдений. Вот истинное поприще деятельности человека. Знать — первый его Долг; действовать сообразно знанию — второй долг его.

Но знание ошибается? Отчего? Стоит исследовать. Для сего первый предмет орудия знания, второй — процесс самого знания. Здесь главная задача философии, все остальное — мечта. Три орудия: прямое наблюдение; повторение сего наблюдения, или опыт; сравнение наблюдения с предшествующим, или то, что называется законом явления. Изучить явление — дело науки, или изучения. Изучить способы самого изучения — дело теории, или так называемой философии.

Прямое наблюдение всегда возможно; опыт — не всегда; сопряжение сделанного наблюдения с прежним вводит человека в теорию, т. е. указывает ему, какие наблюдения еще требуются для выведения знания, или решения, что наблюдений, сделанных по какому-либо предмету, недостаточно для начертания закона его существования.

Наблюдение есть проверка теории; если это противоречит выведенному закону, — закон заподозрен без милосердия.

Есть законы, которых общность и непреклонность очевидна без дальнейшего доказательства; $2 \times 2 = 4$ — нет силы, которая могла бы помешать сему явлению, т. е. сделать исключение из общего закона. Но то же замечается и в других сферах: $a+b = a+b$; кислота определяется щелочью и наоборот; известь с серною кислотою образует гипс; хлороформ останавливает страдание; свет светит; тяжесть тяготеет; хинин останавливает лихорадку; человек думает — все эти явления следствие неперемennого закона. Иногда в многосложных сопряжениях явлений мы приписываем часть их случаю; так старинные физики приписывали феномены поднятия воды на 32 фута отращением природы от пустоты. Так старинные химики к химическим явлениям приписывали и магические и наоборот; в старые годы хлороформ мог бы образовать секту фанатиков. Но иное происходит, когда человек проник в следственную произвольную связь явлений, — при каждом проникновении исчезает, как днем, произвольная случайность.

Есть в математике задачи неразрешимые или разрешимые только приблизительно, т. е. в коих допускается известная степень ошибки (например, отношение круга к диаметру). Такие же задачи есть во всех сферах человеческого мышления. Гнаться за разрешением неразрешимого — то же, что гнаться за квадратурою круга.

Гипотеза может быть дозволена, но когда наблюдение показало настоящие границы гипотезы, тогда переступать их — нелепость. Так, глаз, опущенный в микроскоп, не вдруг находит настоящую точку наблюдения, но блуждает по полю объективного стекла, но когда он уверился, что он заблуждается, когда он нашел предмет своего наблюдения, то смотреть, около его было бы безумием.*

* Всегда надобно раскрыть руку больше величины того предмета, который хочешь захватить.

Математика также начинает с гипотезы, не подтвержденной чувством, например с идеи равенства, но эта идея поверяется всеми феноменами математическими, равно доступными и чувственному и духовному воззрению.

Материалист говорит:³ нет психологии, нет идей — есть одни феномены, т. е. только то, что мы можем ощутить чувственно. (Самое положение материалистов, что нет идей, — есть уже *идея*, безусловно ими понятая). Потом он говорит: $2 \times 2 = 4$; следственно, $4 - 2 = 2$. Но откуда взялось это *следственно*; если все возможное для человеческого мышления суть феномены, тогда: $2 \times 2 = 4$ и $4 - 2 = 2$ суть также феномены; но не забудьте, что $4 - 2 = 2$ потому только, что $2 \times 2 = 4$; если бы 2×2 не было равно 4. то феномен $4 - 2 = 2$ не мог бы существовать. Говоря «следственно», материалист предполагает причину, закон; вот новый феномен, который должны исследовать; но этот феномен не дается материальным чувствам, он — идея, точно так же, как время, пространство, равенство, единство, тождество, — словом, как все идеи, без которых ни один феномен (даже $2 \times 2 = 4$) не мог бы существовать, ибо в сем уравнении предполагается однородность предметов: *два человека* и *два камня* будут четыре только под тем условием, что мы подведем их под однородное понятие существ, что также есть факт нашего мышления, факт идеальный.

Шотландская школа,⁴ наблюдая психологические факты, заметила, что она во всяком факте наблюдала и причину его, т. е. Я.

Паписты о всякой вещи требуют непременно или утверждения, или отрицания, забывая, что между ними есть индифферентная точка. Они говорят: верить или не верить? *Distinguo*¹: этому верю, ибо это знаю; тому не верю, ибо не знаю. Я знаю и верю, что солнце светит, но есть ли на небе жизнь — ни верю, ни не верю, а просто не знаю.

Все эпохи истории заставляют предполагать существование какой-то древней, страшной борьбы с какою-то силою, которая разрознила человека на части. Это наблюдение рождается не только верованием, древними преданиями и поэтическим чувством, но ныне делается доступно и простому логическому разумению: иначе откуда такое противоречие между явною силою человека и его подруги природы и столь же явными недостатками? Отчего мысль об общем согласии, противореча историческим враждам, всегда была любимую мыслью у людей великих? Отчего люди ныне так жмутся друг к другу (пути сообщения, сношения <2 нрзб.>), когда всякое столкновение человека с человеком показывает друг другу совместника, или даже врага.

Эта сила раздвоила тела на кислоты и щелочи, отчего каждое из них сделалось ядом; они сложатся<?> в *солях*, в *природе случайно*, — или *сознательно* в *человеке*.

Мы достигли в эту минуту того состояния науки, когда мы можем решительно сказать, что мы ничего не знаем; лет десять тому назад мы думали, что знаем химию, что знаем ботанику, — а теперь все ниспровергнуто, в химии, в

1 Отмечаю (лат.).

физиологии растений — *каша!* Счастливейшее мгновение! Как хорошо увериться, что мы вдали! Это залог успеха! Это время есть время брожения — вино образуется! Такого рода момент и должен упасть не вдруг. Большая наука в эту пору ведать незнание (*le ponsavoir*) человека; кто не ведаёт, тот занимает это важное место в науке. Лишь дикари с *детским равнодушием* смеются на её медленный ход — но ход!

Теория прежде действия хочет знать, что делать; практика действует, не заботясь о том, что надобно прежде решить, что делать.

Главное отличие человека⁵ от животных есть вопрос почему? Надежда разрешить этот вопрос составляет возможность жизни для человека. Я не постигаю, как живут люди, которые не признают этого вопроса или не имеют надежды разрешить его! Жизнь для них без цели — тогда зачем она? Если бы я когда разуверился в этой надежде, я бы застрелился в ту же минуту. Люди, которые смеются над усилиями искателей причины причин, отрекаются от своего человеческого достоинства и равняют человека с животным.

Этот вопрос так важен, что всякое действие человека при малейшем размышлении приводится к этому первому *почему*, от которого зависит разрешение всех дальнейших вопросов; *действовать смотря по обстоятельствам* есть фраза бессмысленная, ибо для того, чтобы смотреть, надобно решить прежде, что из усмотренного правда, что ложь, что основное, что второстепенное, что постоянное, что случайное, но для рассмотрения всех сил элементов обстоятельства опять нужно разрешение первого *почему*. Ответ на это *почему* можно найти лишь в глубине души человеческой, что если сей ответ и в природе, то все-таки его можно найти инструментом — *душою*. Но для сущности её наблюдения невозможны, наблюдать можно действия души, но не предмет её исканий, ибо тогда дело было бы кончено. Можно наблюдать лишь то, что уже выведено на свет, сотворено. Так, например, говорит Врений⁶, нельзя в душе наблюдать истин математических, прежде нежели они открыты, т. е. прежде нежели они сотворены духом человека. Итак, единственный путь для ответа на *почему* есть *сотворить сей ответ*, но для сотворения надобно силу.

Все мнения, существующие в мире и от которых происходят все возможные явления в ученой, политической и других сферах, приводятся к сим формулам:

1я. Человеку не дано знать истины; со времени своего падения он потерял зрение.

2я. Все, что противно здравому смыслу (т. е. принятым в данную эпоху понятиям) и чего нельзя ощущать чувствами, есть нелепость или не существует.

Между сими двумя противоположными теориями, более родственными, нежели как с первого вида кажется, находится

3я, как она образовалась окончательно в Гегеле, которой формула: человек может знать посредством душевной деятельности, питающейся внешними предметами и собственною сущностью; мысль человека есть форма вселенной, вселенная есть форма человеческой мысли.

Но остается вопрос, откуда берется та или другая мысль человека? Если б мысль безусловно была произведением человека, то мысли всех людей были бы одинаковы, как волосы на голове; человек, произнесший хоть единое слово, может быть остановлен вопросом: «По какому праву ты считаешь свою мысль мыслью? По какому праву ты думаешь, что ты не сумасшедший?».

Следственно, должно быть иное, безусловное ручательство в том, что мысль человека есть действительно мысль.

Стихии жизни не производят каждая отдельной отрасли деятельности человеческой, но необходимы для явления каждой.

Стихия истины никогда не может быть вполне удовлетворена, и потенция сей стихии в разных людях различна; оттого она умиряется стихиею благоговения, которой виды: безотчетное доверие, уважение и проч. Действием сей стихии человек, не дошедший до истины в какой-либо сфере, действует, доверяя человеку высшей потенции; от сей стихии происходит уважение к гению, далее — монархизм, далее — религиозное чувство, словом, необходимость перед чем-либо благоговеть, что-либо обожать, кому-либо безотчетно верить.

Стихии в каждом организме суть необходимость; совокупное действие всех организмов одного на другой есть также необходимость; здесь место вычислений — цифры постоянные; здесь средина — milieu — вещество.

В человеческом организме средина, в которой действуют стихии, — дух, воля; оттого, если человек мог и не развить свои стихии, он виноват, как виноват народ, если в нем не появляется великих людей, великих изобретений; это понятно и в практическом приложении: общая образованность народа составляет подкладку, в которой действуют изобретатели; самое происхождение великих людей следует закону платы детей за отцов своих; точно так же, как род испанских убийц должен был способствовать произведению новых убийств, так род ученых должен способствовать произведению великого человека; в житейском быту действия великого человека замедляются происшествиями такого рода, что он успеет умереть прежде, нежели побудит их приняться за свое дело; следственно, несправедливо мнение, что великий человек всегда проложит себе дорогу, — неужели в Китае в продолжение тысячи веков между 300 миллионами не было ни одного Гения? — Были, но они замирали, как личинка бабочки, захваченная холодом. Возможны ли усилия химии там, где нет химических школ, книг и, наконец, снарядов? Астрономия без труб? Анатомия, где разрезывание трупов есть преступление? Общественная жизнь, где естественные отправления организма совращены с надлежащего пути? Вообще действие индивидуума без гармонического содействия всего общества? «Где же двое и трое соберутся во имя мое, аз стану посреди их»⁷ есть закон общий для всех действий человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

Публикуются впервые по черновым автографам: ГПБ, оп. 1, № 55, л. 163—165, 166—167, 175; № 48, л. 123, 124—126, 120—121; № 26, л. 126—131. Замысел этого философско-публицистического цикла относится к 1847 г. Окончено только «письмо 1», посвященное Матвею Степановичу Волкову (1802—1875) — одному из знакомых Одоевского, интересовавшемуся естествознанием и философией. Остальная часть публикации — материалы для следующих «писем».

1 *До меня дошло, что Вы интересовались узнать...* — начало 1-го письма; М. С. Волков пристально следил за творчеством Одоевского (сохранились его «Замечания на «Психологические заметки»» — см.: Сакулин, ч. 1, с. 608—616).

2 *Геркуланум и Помпея* — города Италии, погибшие в результате извержения Везувия в 79 г.

3 *Материалист говорит...* — Имеется в виду вульгарный материализм.

4 *Шотландская школа...* — шотландская школа здравого смысла: Томас Рид (1710—1796), Джема Витти (1735—1803), Джемс Освальд (?—1793). Эти философы исходили из того, что наряду со знанием, приобретаемым опытным путем, существуют истины, которые познаются интуитивно (вера в существование внешнего мира, например).

5 *Главное отличие человека...* — Против этих слов — помета Одоевского на полях рукописи: «далее идет 3».

6 *Врений* (Врен) Кристоф (1632—1723) — английский математик и архитектор.

7 *Где же двое и трое...* — Евангелие от Матфея, XVIII, 20.